

Попов Василий Алексеевич

Кочеты генерала Суворова

Кубанский сказ

Душно летом в кубанской степи. Никнут, клонятся к земле тяжелые пшеничные колосья, опускает листья подсолнух. Горячей серой лентой тянется дорога, и путник, шагающий по ней на север, начинает жалеть, что в такой зной ушел от студеной Кубани.

И вдруг встречается тихая речка, точно задремавшая от жары. По ее берегам привольно раскинулись сады, огороды, хаты, фермы богатого колхоза.

– Что за станица? – спросит отдохнувший путник, напившись в какой-нибудь хате холодного молока, смыв с себя дорожную пыль и усталость в светлой речке.

– Это не станица, а хутор Первая Речка Кочеты, – ответят ему.

Пройдет путник еще десяток километров и снова встретится тихая речка и хутор – Вторая Речка Кочеты. Через несколько часов ходьбы – Третья Речка Кочеты.

И удивляется путник: что это за петушиный край? Почему все речки в честь кочетов названы?

А названия эти старинные, еще с тех времен, когда командовал здесь русским войском Александр Васильевич Суворов. От него эти названия и пошли.

Дело было так. Как приехал на Кубань Александр Васильевич, то отдал своим войскам строгий приказ не обижать адыгейцев и другие горские народы; завелось у него среди горцев много добрых друзей-кунаков, любивших его за справедливость и простоту. Мирно и дружно, как добрые соседи, зажили русские и адыги.

Недовольны были этим только турецкие визири, которые думали прибрать к рукам кубанскую землю и продать ее английским господам. Послал турецкий султан на Кубань многочисленное войско и поручил своему паше – генералу

собрать всех турецких прислужников – пши да орков – и отнять у русских Кубань.

Насыпали тогда суворовцы у брода через Кубань валы, поставили пушки. Сунулся паша со своими янычарами и дружинами верных турецких псов-пши к крепости, а орешек-то оказался не по зубам. Хоть было русских втрое меньше, чем турок, а так врагов своих встретили, что потерял паша охоту лезть на крепость, когда там Суворов со всем своим войском стоит. Но турок тоже был опытный воин и решил русских взять измором. Оставил он половину своего войска за Кубанью, а конницу отправил в обход крепости и велел перехватывать все обозы, которые шли к Суворову.

Плохие времена наступили для суворовских богатырей: и хлеб к концу подходит, – и пороху недостача. А главное – никак не удавалось им по туркам ударить. Выйдут они из крепости, пойдут на север, где засели враги у тихой степной речушки, а тут посыльные мчатся – передают, что турки крепость штурмуют. Вернется Суворов к крепости – турки за Кубань уходят, а янычары да делибаши безнаказанно в тылу обозы громят, на станицы и хутора нападают.

Оставил тогда Александр Васильевич в крепости небольшой гарнизон, а сам с войском встал лагерем на безымянной степной речке.

– Выжду время... Обману турок и ударю по одной половине их войска неожиданно. А потом и другую половину добыю, – сказал он своим офицерам.

Но и тут ничего не вышло. Никак не поддавался паша на обман, словно знал все приказы Суворова. Только отойдут русские от лагеря, пройдут десяток верст – турки к крепости подступают, их пушки начнут гроыхать, и приходится обратно поворачивать.

В это время пустил кто-то в русском лагере слушок о том, что завелись предатели, которые туркам все приказы Суворова передают заранее. Некоторые прямо на адыгейцев-добровольцев указывали – они, мол, передают.

Был тогда в лагере при штабе Суворова офицер один по фамилии Павлиди. Говорили, что прислали его из Петербурга присматривать за Александром Васильевичем и обо всем царице доносить. Вел себя этот Павлиди в лагере, как хозяин – никого не слушал, всем командовать пытался, хвалился, что он родственник греческого царя и что со всеми петербургскими вельможами за ручку здоровается.

И вот явился этот Павлиди в палатку к Суворову, задрал высоко свой горбатый нос, выкатил черные глаза и говорит:

– Господин генерал! Черкесы, которых допустили вы в лагерь, – предатели. Они все ваши приказы туркам передают. Их надо немедленно расстрелять.

Посмотрел на него Александр Васильевич, расстегнул свой старенький мундирчик и спрашивает:

– А какие вы к этому доказательства имеете, господин Павлиди?

– Само дело показывает, что ваши приказы известны туркам. Кто же, кроме черкесов, передавать их может?

Покачал Суворов головой.

– Нет! Не согласен я с вами, господин Павлиди. Не пойман – не вор. Не буду я своих друзей-кунаков обижать, они вместе с нами против турецких супостатов воюют...

Запыхтел тут Павлиди, посинел от злобы его длинный нос.

– Как угодно, господин генерал. Мой долг предупредить вас. А не хотите слушать, так я государыне отпишу, – прохрипел он и вышел из палатки.

Утром зачитали в лагере новый, приказ Суворова: ночью, как запоют первые кочеты, подниматься и форсированным маршем идти на турок. Как прокричат вторые кочеты, быть у второй речки. С третьими кочетами ворваться в турецкий лагерь и разбить врага.

Настала ночь, темная, беззвездная. Облака небо закрыли. Лягушки в речке перекликаются – к дождю.

Только уснули солдаты, как вдруг над лагерем разнесся петушиный крик, громкий, залиvistый.

– Что за чудеса? Не бывало этого, чтобы в такое время кочеты кричали, – удивлялись солдаты, торопливо разбирая оружие и строясь в колонну.

А кочет кричит, как на заре:

– Ку-ка-реку! Ку-ка-реку!

Двинулась колонна широким шагом, по-суворовски. Так шагали солдаты, что рубахи на них взмокли. Не дошли версты до второй речки, как вдруг раздалось впереди:

– Ку-ка-реку! Ку-ка-реку!

– Братцы! Вторые кочеты кричат, а мы еще до речки не дошли. А ну, бегом!
– крикнул кто-то.

Перебежали вброд речку, остыли немного, вылили воду из сапог – и дальше.

– Ночь сегодня, видать, особенная – кочеты не вовремя кричат, –
переговаривались солдаты.

Еще полночь не наступила, когда вышли русские к хутору у степной речки, где стояли лагерем турки. Как волчьи глаза, засветились между деревьями костры. Послышалась турецкая протяжная песня. Тихо, без шума и разговоров, обложили русские турецкий лагерь со всех сторон.

И тут снова закричал кочет:

– Ку-ка-реку! Ку-ка-реку!

Рванулись русские солдаты вперед. И когда бежали мимо рощицы, увидели: стоит казак, держит двух лошадей, а рядом с ним Александр Васильевич Суворов – приставил ладони ко рту и кричит по-петушиному:

– Ку-ка-реку! Ку-ка-реку!

И так похоже, точно настоящий кочет.

Загремело тут русское могучее «ура», сверкнули штыки. Турки не ждали нападения, и мало кто из них успел за оружие схватиться. Большинство спросонья сдаваться стало или бежать пустилось.

Захватили тут русские много пленных, оружие, обозы и почти всех турецких коней взяли.

Тогда Александр Васильевич дал приказ: оставить караул при пленных и обозах, а остальным садиться на турецких коней и спешить обратно.

Чуть-чуть светать начало, когда подошли русские солдаты к своему лагерю. И тут стало слышно, как закричали в крепости первые петухи.

Теперь настоящие кричат! – засмеялись солдаты, слезая с коней и строясь в колонну.

Как только запели вторые петухи, ударили по крепости пушки, послышался вой и визг янычаров, идущих в атаку. И двинул тут Суворов свои войска, отрезая турок от реки. В ту ночь было уничтожено почти все турецкое войско. На вражеских лодках переправились русские солдаты за Кубань и захватили ковровый шатер турецкого паши-генерала, еле-еле успел он сам ускакать.

Возле шатра нашли повешенного. Сняли его с дерева, взглянули, а это петербургский офицер Павлиди. Потом уже от пленных турок узнали, что был он турецким шпионом и сообщал паше все приказы Суворова. Получил предатель от паши немало золота. Много вреда принес русским, а в эту ночь попал впросак и турок подвел. Увидел паша, что обманул его Суворов, недоглядел шпион, погибло турецкое войско, и приказал повесить предателя.

Прошли годы. На безымянных степных речках построились хутора. И в память ночного суворовского похода, когда кричал Александр Васильевич по-петушиному, назвали казаки речки и хутора: Первая Речка Кочеты, Вторая Речка Кочеты, Третья Речка Кочеты.

